

европа

ЕГО ИДЕОЛОГИЯ

Алексей Чадаев

Алексей Чадаев

Путин. Его идеология

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165970

Путин. Его идеология: Европа; М.: 2006

ISBN 5-9739-0040-1

Аннотация

Первая попытка разбора идеологии Президента Владимира Путина, опирающаяся на его действия и слова. Алексей Чадаев – известный интеллектуал, член Общественной палаты – исследует доктрину лидера, повлиявшую на чувства нации больше, чем на ее поведение. История смены ролей, от «президента надежд» – к лидеру строительства новой нации. Тексты путинских посланий и их смысловой анализ дополняют авторский текст. Книга рассчитана на специалистов и изучающих политическую науку. Рекомендуются для систем партийной учебы.

Содержание

ИЗУЧАТЬ ПУТИНА?	4
ВВЕДЕНИЕ. КРАТКИЙ КУРС ПО	8
УПРАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВОМ	
ВОЗМОЖНОСТИ ДОКТРИНЫ	14
РОЖДЕНИЕ ДОКТРИНЫ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алексей Чадаев

Путин. Его идеология

ИЗУЧАТЬ ПУТИНА?

Эта необычная книга – о государственной философии Путина. Точней, о драме ее формулирования. Раньше такие книги именовали биографиями мысли или историями идеи. В данном случае речь о политической идеологии.

Русская история считается безыдейной лишь потому, что так проще для ее наблюдателей. И Путин, большой хитрей, долго уклонялся от выявления своих позиций и ценностей. Неопределенность доктрины была его защитой. Политик не располагает доктриной, пока не к чему ее применить. Политик не располагает идеологией, пока не возьмется решать за других. Путин приобретал знание о государстве по ходу самого государственного строительства, к участию в котором он был призван.

Власть, которая якобы у него была, на самом деле с трудом и по мелочи извлекалась из недр мятежного общества. Путинская *вертикаль власти*, если вдуматься, похожа на скважину бурения для добычи нефти из глубинных пластов.

Путин не уйдет, не выполнив своей национальной задачи. Проблема в том, что основную массу задач ему диктует

простая нехватка. Система Путина испытывает дефицит политических инструментов для работы с теми именно группами, которые она же порождает и активизирует. Путин играет, как кажется, в одиночку, а на российской сцене все больше невыразительных новых актеров, наливающих силой. Сторонникам президента легко представить себе ситуацию, когда им придется защищать своего лидера, а не искать у него защиты. Сумеет ли преемник воспользоваться лидерским ресурсом Владимира Путина? Кто не предъявляет идейных оснований господства, тот не докажет и своих прав на него и выбудет из списка правящих. В современном мире тупое властвование не имеет перспектив. Выборы 2007–2008 годов в России создадут мировую державу с общепризнанной легитимностью, – а если этого не произойдет, перейдут в мировой кризис.

Все чаще извне мы слышим: *«Россия неуместна там-то и в том-то»*. Место России, вот то, что подвергается испытанию в мире, лишенном правил. Но в глобальном мире без общепризнанного порядка кризис угрожает глобальной войной.

Большинство граждан РФ сегодня, и еще долго, будут составлять рожденные в СССР – государстве, которого уже нет. Между истреблением имперской России в 1917 году и упразднением СССР в 1991 году прошло всего лишь 75 лет. Многие успели побывать в подданстве нескольких государств, а иные, как бабка моя, Феодосья Ивановна, еще

помним жизнь при *обоих* старых режимах. Но обе империи с большим государственным опытом – не спаслись, не сохранились и развитые ими цивилизации. Осталась Россия, объявив себя наследницей их всех. Находится ли она в большей – или хотя бы в *не меньшей* безопасности, чем те? Не станет ли ликвидация России желательным для кого-то «окончательным решением» неизвестной задачи в мире темного будущего?

Путин действует в узких рамках реальных лимитов времени, людей и ресурсов. Мысль автора книги о пределах власти как тайном стимуле путинской креативности – точная политическая мысль.

Вообще, политический опыт Путина во власти интересней, глубже нападков на его личность. Изучение его идеологии – не только в гуманитарном, но и в инженерном смысле – едва начинается. Так, например, подход Путина к демократии для населения, с навязчиво повторяемым приоритетом «комфортных условий», весьма своеобразен. Автор пытается разобраться в этой идее *комфортного* для населения *суверенитета*, заставляющей припомнить «биовласть» Мишеля Фуко, «социум власти» М. Гефтера или то, что Симон Кордонский окрестил *витальной повесткой* последних президентских посланий. Собственно, изучать политику в современной России и означает изучать идеологию и практику нынешнего президента. Книга Алексея Чадаева не только поучительна, но и полезна для подготовки новых кадров к

государственной политической работе. Никому еще не удалось войти в большую политику, не расставшись с грузом своих благоглупостей.

Глеб Павловский

ВВЕДЕНИЕ. КРАТКИЙ КУРС ПО УПРАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВОМ

Сделать более понятной логику действий и бездействий российской власти эпохи Путина – цель данной работы. Это возможно лишь при условии, что будут описаны реальные возможности власти в наше время и в нашей ситуации – иначе говоря, ее системные ограничения. Ответ на вопрос «что власть делает» возможен только после ответа на вопрос «чего власть делать не может».

Узость коридора возможностей является следствием узости инструментария. Ограниченность способов действия заставляет использовать все немногочисленные имеющиеся инструменты – в том числе для решения таких задач, для которых они заведомо не предназначены. Главное системное ограничение власти – тот факт, что число тех людей, за успехи и неудачи которых она несет ответственность, гораздо больше, нежели число тех, кем она непосредственно управляет. Любое действие власти ведет за собой последствия, число которых так велико, что не дает возможности отследить большинство из них. А потому – заставляет предвидеть, рассчитывать «общий баланс» последствий любых решений уже на этапе их подготовки.

Власть – лишь один из элементов общественной

системы, но одновременно ее суверен.

Государство часто рассматривают в виде своего рода корпорации – одной большой фирмы по оказанию услуг населению. Но это правомерно только для тоталитарных систем, где каждый гражданин по умолчанию является сотрудником этой фирмы и в то же время потребителем ее услуг. Сталинское государство соответствовало этому определению в полной мере. Путинская Россия, как и практически любая современная страна, устроена иначе. Власть – лишь один из элементов общественной системы и одновременно ее суверен; это делает роль власти противоречивой. Режим существует в двойной логике: с одной стороны, это логика узких интересов «своей» сферы (госсектор); с другой – логика интересов и ценностей страны как целого.

Все это создает особую ситуацию «подвешенности» власти. Она несет ответственность за существование всех граждан, но непосредственно управляет лишь крайне небольшой (в масштабах страны) административной пирамидой.

Применительно к первому лицу государства это означает, что у него есть лишь очень немного людей, которым он может приказать. Что до остальных, то он может лишь доносить до них свою точку зрения и надеяться на их понимание и добрую волю – так как их начальником в буквальном смысле слова он не является.

Из этого следует, что реальным инструментом власти в современной системе является не административная верти-

каль, а система влияния, основанная на моральном авторитете и значимости. Президент больше «жрец» или «судья», чем «царь». Но мера его ответственности при этом – «царская».

В результате возникает такой формат политической системы, при котором глава государства получает практически монопольное право быть источником действующего политического языка и тем для обсуждения – «повестки дня». Каждый из нас имеет свою точку зрения по большинству вопросов, но вопрос о том, какие из тем для обсуждения актуальны именно сегодня, решает власть. Единственным ее реальным конкурентом на этом поле являются катастрофы – будь то авария подводной лодки, сход лавины или захват заложников – тогда инициатива властью утрачивается; но это и есть чрезвычайная ситуация всеобщей мобилизации социальной системы перед лицом общей опасности.

Однако монополия на повестку дня не означает произвола. Бремя власти – удерживать реальность в слове; как только она перестает соответствовать этой задаче, она моментально становится лишним элементом в социальной структуре. И общество ей это показывает, иногда – быстро и жестко.

Величайший успех – найти точные слова для описания того, что происходит и, главное, что должно происходить завтра. Провал – ошибиться в словах или не сказать чего-то, что должно было прозвучать. Каждое публичное слово – в том числе и по второстепенным поводам и темам – стоит гораздо

дороже, чем любое аппаратное решение.

Поэтому любые публичные слова первого лица очень важны именно как управляющие сигналы. В дополнение к этому в России, по мнению многих социологов, коммуникативные правила таковы, что важнее не то, что говорится, а то, кто говорит: это называется «гипертрофированный личностный статус».

В условиях посткатастрофной России такая ситуация дает президенту уникальную роль и одновременно возлагает на него уникальную ответственность. Президент сам должен построить демократическую процедуру, защитив ее снаружи, и потом передать в руки народа. Подобные задачи лежали на многих лидерах государств в XX веке и далеко не все с ними справились. Но, как бы там ни было, миссия Путина – это миссия строителя.

Из такого понимания миссии вытекает несколько следствий. Во-первых, непереносимый уход от власти по завершении строительства политической системы. Во-вторых, уход от власти именно и только по завершении ее строительства, но не раньше и не позже. В-третьих, с ростом времени пребывания у власти снижаются шансы на быстрое завершение такого строительства. В-четвертых, попытки помешать процессу строительства необходимо пресекать самыми жесткими способами.

Почему мы вообще обращаемся к официальным документам – таким как Послания президента? Официальные до-

кументы первых лиц государства – это развернутые управляющие инструкции. Они построены на ограниченном количестве формул, понятий и словосочетаний, которые потом разворачиваются в ту или иную политику. Самые яркие из этих формул (такие как «индустриализация», «продовольственная программа» «перестройка», «приватизация», «вертикаль власти») маркируют целые эпохи. Главное место, где появляются такого рода слова, это именно официальный текст с его жестким канонem.

При этом надо помнить, что в официальных документах обычно крайне редко используются ценностные формулы. Иначе говоря, послания – это не столько сам «символ веры» действующей власти, сколько производные от него решения. Такие документы изложены на языке задач и инструментов. Ни перестройка, ни приватизация, ни построение вертикали власти сами по себе не являются конечной целью и ценностью. Все это является инструментом достижения чего-то другого. А вот что стоит за названными инструментами – этого в официальном документе, как правило, не сообщается. На этом месте чаще всего стоят общие слова и лозунги, ничего не означающие.

Послания Президента это не столько сам «символ веры» действующей власти, сколько перечень производных от него решений.

Обращение к ценностному языку позволяет реконструировать логику документа, взятого как целое, в совокупности

задач и реализации главных программных документов. Мы как бы дешифруем роль субъекта власти по совокупности его публичных действий. Мы находим, какие формулы целей и ценностей находятся за формулами задач и средств. Попытаться обнаружить ценности, которыми руководствуется действующий Президент, в последовательности задач, которые он ставит перед государством, и средств, которые он предлагает для их реализации, в этом и состоит задача данной книги.

ВОЗМОЖНОСТИ ДОКТРИНЫ

Наша задача состоит в том, чтобы описать доктрину Путина. Реконструирование доктрины Путина неизбежно означает обнаружение слабых мест этой самой доктрины. Я подозреваю, что все слабые места, которые очевидны стороннему наблюдателю – очевидны в той же степени и самой власти. Я как покупатель на рынке – для меня это выбор. Рынок сигнализирует: или доктрины в законченном виде еще нет, или она слаба. Но слабость на самом деле означает поиск. Сильная позиция предполагает, что ты для себя все уже решил и не нуждаешься ни в чьих ответах на свои вопросы. Слабая позиция обозначает, что ты, защищая свои тезисы, предлагаешь какие-то спорные вещи на обсуждение.

Особенность российской политической системы состоит в том, что власть никогда и ничего не объявляет открыто. Именно поэтому возникает задача реконструкции и понимания доктрины. Материалом для реконструкции являются официальные документы, политические решения и (в меньшей степени) публичные выступления. Но мы как исследователи должны понимать, что публичные официальные документы пишут спичрайтеры и поэтому по словесным формулам нельзя восстановить ничего, кроме набора используемых тезисов.

Любая дешифровка и реконструкция – это всегда опреде-

ленный волюнтаризм. Наше преимущество здесь состоит в том, что мы не пытаемся читать между строк. Мы пытаемся читать по строкам, как и должно читать программу действий. То есть мы пытаемся понять, что сказано и что имелось в виду.

Лидер государства лишь задает лозунги, лежащие в основу программ, которые создаются представителями политической элиты.

Нормальная логика работы власти – когда командир указывает направление, а остальные за ним идут.

Власть не может, не имеет права на создание собственной политической программы, претендующей на монополию. Поэтому существует доктрина Путина, а вот программа Путина – это лишь одна из возможностей. Доктрина, в отличие от идеологии, имеет временную привязку. Принятие доктрины в качестве образца, источника программ, зависит от того, насколько ее лозунги реализуемы на практике.

В качестве источника доктрины Путин выступает не как действующий президент, а как индоктринирующий субъект. Доктрина Путина – это то, что перебрасывает мостик к России после Путина, в будущее, где сам Путин будет существовать уже не в качестве субъекта власти, а в качестве некоторого курса и направления. Доктринальность в этом смысле слова появилась в президентских посланиях только в последние два года. Два последних президентских послания логически связаны друг с другом: в послании 2004 года Путин

излагает прагматику действий,¹ а в 2005-м, ссылаясь на эти действия, разъясняет цели этих действий и их ценностное содержание.

В качестве ключевых ценностей президент использует демократию и суверенитет.² Этим он ставит себя в сложную, уязвимую в своей противоречивости и поэтому крайне незащищенную позицию. С одной стороны, демократия – это сегодня трансграничная ценность, главные носители и пропагандисты которой привыкли ломать об коленку чужие суверенитеты в целях «демократизации»: именно поэтому подразумевает открытость миру, ее крайне сложно совмещать с укреплением национальных границ. С другой стороны, суверенитет вовсе не предполагает следование мировым стандартам демократических процедур. В этом главное противоречие.

Все предыдущие послания строились как манифесты, что давало возможность расшифровывать их вне привязки к конкретным действиям. Сейчас задача состоит в том, чтобы развернуть лозунги в программу действий. Это создает гораздо более узкий коридор. Коль скоро слова рожают действие, они исключают вариативность толкования. Иначе коллективное действие не получается, оно рассыплется на миллионы индивидуальных действий. Главное отличие манифеста от программы действий: манифест говорит «я думаю»,

¹ В.В. Путин. Послание-2004. См. стр. 151

² В.В. Путин. Послание-2005. См. стр. 187

а программа действий – «я считаю необходимым сделать». Самая большая удача обозначить связь между первым и вторым.

РОЖДЕНИЕ ДОКТРИНЫ

Доктрина Путина в том виде, как она существует сейчас, появилась гораздо позже, чем сам Путин занял пост президента. В 1999 году он просто наводил порядок: он и говорил о себе как о президенте, спасающем Россию от катастрофы и распада, стремящемся к стабильности. В 2003 году возникло ощущение, что это ему удалось и не удалось одновременно. Череда терактов и трагических событий подталкивала к мысли, что Путин разрушил стабильность, которая как казалось, существовала до него, при Ельцине. Этот год должен был быть годом успеха, но случилось нечто, что и заставило президента поменять курс. В этом году изменился характер политики, и это потребовало изменения методологии ее реализации. Появилась доктрина Путина.

Появление доктрины в данном случае обозначало отход от политики кризисного менеджмента, то есть простого реагирования на возникающие проблемы. В отличие от доктрины, программа, стратегия и даже идеология предполагают, что существует план и этот план будет реализован вне зависимости от того, какие внешние факторы могут этому помешать. В случае доктрины все совершенно по-другому. Доктрина – это развернутый метод. В качестве метода она не может указывать цель, она является способом реагирования на ситуацию, создания новых направлений движения. Осо-

бенность доктрины в ее способности саморазворачиваться в любые, самые сложные схемы действий, не изменяясь внутренне, и из этого отчасти проистекает будущая новая субъектность.

Доктрина – это развернутый метод. В качестве метода она не может указывать цель.

Источником появления доктрины Путина является политический кризис 2003 года. Она родилась именно из событий, случившихся тогда (отставка Волошина, дело ЮКОСа, неожиданный результат думских выборов и т. п.). Поэтому, для того чтобы понять состояние, в котором Россия оказалась сейчас, – надо вернуться на три года назад и понять, что же произошло в сфере языка власти в 2003 году. С точки зрения развития доктрины это можно сделать при помощи анализа президентского послания 2004 года. Необходимо разобраться, какие факты попали в послание, а какие не попали, что и как было проинтерпретировано.

На протяжении трех лет (в посланиях 2001–2003 годов) важным элементом президентских посланий была идея стабильности. Предполагалось, что главное, чем занимается власть и политическая система, – это оберегает страну от радикальных изменений, инициируемых оппозицией извне или вызревающих внутри самой власти. Понятно, что это ко многому обязывало власть. Например, обязывало к необходимости не выталкивать оппозицию за рамки политической

системы, а включать ее в себя. Идея стабильности³ предполагает стабильность роста, стабильность отношений собственности, возможность для любых игроков на поле стабильности реализовать свои задачи при базовых гарантиях невмешательства со стороны власти.

Путин преуспел в осуществлении этой идеи. Первое, чего он добился, став президентом, это прекращение задержек выплаты пенсий и заработной платы работникам бюджетных организаций. Это была радикальная и сильная установка: государство на уровне системного ограничения не имеет права не соблюдать обязательства перед теми, кто непосредственно от него зависит. В то же время укрепление стабильности шло через построение «вертикали власти» – построение губернаторов и федеральной отраслевой бюрократии под контроль. Путину удалось преодолеть ситуацию непрерывного загнивания, отмирания регионов. Сейчас уже неактуальны вопросы, которые стояли в центре повестки дня несколько лет назад: задержка зарплаты или отключение света и тепла за неуплату.

Однако через несколько лет существования доктрина стабильности изжила себя как на внешнем, так и на внутреннем поле. На это повлияло несколько факторов. Мировой рост цен привел к резкому усилению экспортеров, а доктрина стабильности резко ограничивала возможность влиять на них. Это кардинально усиливало одних и ослабляло других,

³ В.В. Путин. Послание-2004. См. стр. 152

нарушая баланс системы. Недовольство этим ограничением стало источником импульсов к преобразованию системы, исходящих не только от государства, но и от крупного бизнеса. ЮКОС и власть играли друг с другом на опережение. Стабильности не осталось места и во внешнеполитическом контуре страны. В начале 2003 года, после того как США, несмотря на отсутствие санкций СБ ООН, провели военную операцию в Ираке, в серьезном пересмотре нуждалась идея антитеррористической коалиции.

В конце того же года «революция роз» в Грузии закончилась изменением режима и сменой политического курса страны. В начале 2004 года революция по грузинскому сценарию прошла в Абхазии. Стабильность как установка на удержание любой ценой существующего порядка вещей, как концепция перестала работать.

После кризиса 2003 года государство претендует на возвращение мобилизационной функции.

За четыре года российская экономика значительно выросла. Россия из государства-банкрота превратилась в богача, который сидит на деньгах и не знает, куда их потратить. О проблемах, с которыми были связаны ельцинские времена, просто забыли. Казалось бы, пришло время пожинать лавры, но доктрина стабильности получает удар за ударом: ЮКОС, Грузия, Украина, Беслан, развал нового образа России на Западе, полная потеря «моды на Путина» и замена ее модой на оранжевых. Это не оставило доктрине стабильности никаких

шансов.

Уже в послании 2003 года – в виде идеи удвоения ВВП – начинается отказ от стабильности. Парадоксально, но на самом деле функция лозунга удвоения ВВП⁴ не сводилась к задаче его удвоить. Этот лозунг должен был приучить общество к возможности постановки идеологической задачи со сравнительно долгосрочной перспективой. В этом смысле революционно само появление Путина в роли внешнего агента, который может ставить системе задачи. Это несовместимо со стабильностью: для осуществления которой государство само гарантирует отсутствие агентов-реформаторов.

После кризиса 2003 года государство претендует на возвращение мобилизационной функции. В послании 2004 года Путин много говорит об экономике, показывая целью развития экономики повышение качества жизни (образование, медицина, недвижимость, жилье и т. д.).⁵ Фактически послание 2005 года развивает ту же тему качества жизни. Если в 2004-м президент ставит экономические задачи, то в 2005-м показывает политические цели, которые призваны обеспечить решение этих задач. Путин в этих посланиях аномально нормальный президент, испытывающий острый дефицит «властной сумасшедшинки». В этом и его сила, и слабость. По Путину, главная задача власти состоит в обеспечении растущего благосостояния населения. Экономические зада-

⁴ В.В. Путин. Послание-2004. См. стр. 153–154

⁵ В.В. Путин. Послание-2004. См. стр. 155–156

чи, которые он ставит, инструментальны. В отличие от адептов «экономизма» Кудрина и Илларионова Путин заинтересован не столько в том, чтобы создавать условия для развития экономики сколько в том, чтобы результатом экономического развития стало изменение параметров качества жизни – эти параметры и являются для него основной шкалой. Его, по большому счету, очень мало интересуют детали хозяйственного устройства и макроэкономические показатели. Они для Путина – та машинерия, по отношению к которой он ведет себя как «пользователь», а не как «механик». Уровень инфляции, реальный курс рубля, сальдо торгового баланса, фондовые индексы и т. п. – это показатели, важные для специальных подотчетных людей, но абсолютно вторичные по сравнению с другими, социоэкономическими индикаторами – вроде уровня зарплат, качества медицинского обслуживания, доступности жилья, конкурентоспособности образования и т. п. Не споря с экономическим либерализмом, он не концентрируется только лишь на создании условий экономической деятельности. В послании 2004 года ясно видно, что цель либерального экономического развития – европейский стандарт качества жизни. Уже исходя из этой позиции и предъявляются требования к либеральной экономике: результат, который она дает на выходе, для него важнее особенностей ее внутреннего устройства.

По Путину, главная задача власти состоит в обеспечении растущего благосостояния населения.

Но одного пользовательского подхода недостаточно: Путин управляет машиной, которая сегодня почти ничего, кроме узкого набора функций, не умеет делать. В частности, она не умеет делать инфраструктурные вложения. Сложно себе представить, чтобы нынешняя система поставила себе задачу построить новый город, хотя бы на сто тысяч человек. В России сейчас нет такой инстанции, государственной или частной, которая могла бы сказать: «Здесь нужен город на полмиллиона человек». Да что там – хотя бы на десять тысяч! Логика нашей системы запрещает подобное. Проблема даже не в том, что государство или само для этого должно быть мощнейшим экономическим субъектом, или допускать (удерживая при этом целостность всей остальной системы) существование частных субъектов такой силы, чтобы они могли ставить и решать задачи подобного масштаба. Проблема в том, что любой такой проект затрагивает – и моментально приводит в движение десятки и сотни разнообразных интересов, и хрупкий баланс «стабильности» моментально рушится.

Прямая критика (а не просто отмена) лозунга стабильности, которая прозвучала в послании 2005 года, дает власти мандат на радикальные изменения.⁶ Она означает буквально, что разрешены революции и контрреволюции. Путин сказал: «Политика стабилизации фактически была политикой реагирования на накопленные проблемы. Эта поли-

⁶ В.В. Путин. Послание-2005. См. стр. 192–193

тика в целом оправдала себя. Но к настоящему времени себя уже исчерпала». И далее: «Особенностью последнего времени стало то, что наша недобросовестная часть бюрократии как федеральной, так и местной – научилась потреблять достигнутую стабильность в своих корыстных интересах, стала использовать появившиеся у нас наконец благополучные условия и появившийся шанс для роста не общественного, а собственного благосостояния».

Изменение риторики в данном случае означает приход в политику новых смыслов. За идеей борьбы с бюрократией стоит отказ Путина от роли президента бюрократии. Бюрократия – каста выигравших, которые тем или иным способом, лучше или хуже, сумели поучаствовать в переделе собственности, увеличить собственное благосостояние во время ельцинских реформ или путинской стабильности. Стабильность существующего режима долгое время держалась на хрупком балансе этих двух групп: группы «победителей 93-го» и группы «победителей 99-го». Сейчас Путин пытается разрушить этот баланс.

Политика стабилизации фактически была политикой реагирования на накопленные проблемы.

Что послужило причиной отказа Путина от доктрины стабильности? С одной стороны, провозглашая ее, он делал именно то, чего от него ждали как от президента. С другой стороны, стабильность оправдывала себя: люди стали лучше жить. При этом повышение уровня жизни населения не бы-

ло напрямую связано ни с увеличением социальных расходов, ни с ростом цен на нефть, ни с повышением числа различных расчетов, т. е. возвращения денег в экономику. Это не было простым распределением по стране денег, получаемых извне, хотя вся политика последних пяти лет была борьбой за их перераспределение как можно дальше от собственно вентиля. Напротив, улучшение жизни населения вызвало рост практически во всех секторах национальной экономики. Некоторым образом политика стабильности сама по себе дала людям работу в силу того, что появились новые запросы и, соответственно, новые сферы деятельности, усложнив картину национальной экономики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.